

В.И. Козлов

***Руководство и
спонсорство
в экспедиционной жизни.***

Когда я оглядываюсь на прожитые годы, то вижу, что большую часть их я только тем и занимался, что учился и переучивался вследствие объективных требований и собственного любопытства, отвечал на какие-то полу-экзаменационные вопросы и старался быть доволен своими результатами. Поэтому я не без удовольствия включился в комплексное исследование феномена группового (популяционного) долгожительства, воспринял его как новую интересную задачу, которую следует решить. А когда эта тема переросла в более широкую этнолого-экологическую проблематику адаптации переселенческих групп русских в Закавказье, чем я раньше также не занимался, то пришлось решать и эти новые задачи.

Долгожительство (или – долголетие), по своей сущности, - явление биологическое, поэтому вначале считалось, что ведущую роль в исследовании проблем его возникновения на популяционном, так сказать, уровне станут играть антропологи, однако для наших, как и для американских «физических» антропологов, проблематика долгожительства не менее чужда, чем для наших этнографов (этнологов) и американских «культурных» антропологов. В центре внимания антропологов, при установлении ими расовых признаков, характерных для тех или иных по-

пуляций, находятся люди среднего возраста; дети, характерные особенности конституции которых еще не сформировались, и пожилые (тем более – старые) люди у которых эти черты уже начали стираться, или большей частью уже стерты, для антропологов как бы не существуют. Этим, кстати казать, они кардинальным образом отличаются от геронтологов, обращающих внимание только на пожилые и старческие возраста. Применяемая антропологами методика случайной выборки по 100 человек не совпадала с направленной выборкой по недолгожительским и долгожительским линиям, применяемой другими участниками исследования. Чтобы разногласия между группами участников не перерастали в конфликты, оказалось целесообразным возложить общее научное руководство темой по комплексному исследованию феномена группового (популяционного) долгожительства на человека с этнологическо-экологической специализацией. Признаюсь, что осуществлять такое руководство было довольно трудным делом. Сложнее всего было добиться уважения со стороны геронтологов, представленных полу-десятком специалистов с научными степенями докторов медицинских наук (для этого мне пришлось углубиться в медицинскую литературу), но и с этой задачей, кажется, удалось справиться. Во всяком случае, уже после завершения работ в Закавказье, меня приглашали участвовать в геронтологических экспедициях на территории Украины.

В полевых условиях экспедиция по изучению долгожительства делилась на специализированные отряды: два-три этнографических (включая демографо-рекогносцировочный), антропологический, психологический и др. Хозяйственное обеспечение от-

рядов входило в обязанности начальников отрядов; исключением являлась работа в стационарах, где удавалось наладить централизованное питание. Как уже отмечалось во введении, при исследовании феномена долгожительства было проведено три экспедиционных стационара; должен сказать, что всеми ими руководил к.б.н. А.А. Воронов. В мои задачи входил подбор начальников отрядов по этнолого-экологической тематике исследований и ведущих сотрудников по конкретным темам, постановка задач исследования и их инструктаж до выезда в поле, а в случаях, когда я выезжал вместе с отрядом, то и в процессе полевой работы. Подсобных, так сказать, сотрудников подбирали начальники отрядов и в эту их прерогативу я обычно не вмешивался кроме отдельных случаев, да и те чаще всего облекались в форму просьб. По окончании полевого сезона все начальники отрядов писали научные отчеты.

Для полевых экспедиционных работ начальник отряда – фигура более значимая, чем начальник экспедиции, если, конечно, та и другая не совмещается в одном лице. При этом, хозяйственно-организационные способности начальника отряда по жизнеобеспечению его членов ценятся обычно выше, чем его научные способности; не случайно, лучшим начальником отряда считался «неостепененный» В.А. Большаков, умевший, кстати сказать, хорошо руководить водителями автомашин, которые прикреплялись к отряду, но это – тема для отдельного очерка. Хозяйственно-организационные способности обычно приобретаются опытным путем, во время предыдущей полевой работы и наблюдения за работой других начальников отрядов, но многое здесь зависит от психологического типа характера. Должен

признать, что мне самому опыта экспедиционной работы не хватало, т.к. он ограничивался тремя выездами в поле в составе этнографического отряда, которым руководила добрейшая, но не очень расторопная В.Н. Белицер. Но то время – вторая половина 1950-х гг. – было другое, да и объект исследования – группы мордвы в различных районах Поволжья – был другим, так что уже при развертывании экспедиционных работ в Абхазии пришлось столкнуться с новыми жизненными проблемами.

В распространенном представлении Абхазия – это место, где можно хорошо отдохнуть, позагорать на причерноморских пляжах, покупаться в море и т.п. Поэтому значительная часть сотрудников экспедиций направлялась в Абхазию с «полу-курортным», так сказать, настроением и была очень огорчена, когда они по тем или иным причинам не воплощались в реалии. Почти все абхазские села, в которых приходилось работать, были расположены на изрядном расстоянии от побережья, со значительным перепадом высот, поэтому добраться до него в свободное от работы вечернее время было очень затруднительно. Ради абхазского этикета и моральных правил, запрещавших обнажать тело под небом («под Богом»), ходить по улицам абхазских селений в сильно открытой одежде мною было запрещено, а отходить от дневной жары в протекавших быстрых и холодных горных реках было небезопасно. В такой обстановке приходилось, по крайней мере, раз в несколько дней устраивать общий выезд на море, расходовать для этой цели бензин, которого почти всегда не хватало. Излюбленным местом отдыха при длительных переездах был открытый В. Большаковым безлюдный кусочек побережья у с. Тамыш с зарослями кус-

тарника, из которого по ночам совершали «набеги» на лагерь местные свиньи.

Члены экспедиции среди долгожителей.
с. Дурипш Гудаутского района Абхазии (1980 г.)

Другая группа, неоднозначных, по правде говоря, проблем была вызвана традиционным абхазским гостеприимством с обязательным угощением виноградным самогоном – «чачей» – и сухим виноградным вином из «Изабеллы», измеряемым декалитрами, тем более, что летом у абхазов наступало время освобождения емкостей для приема виноградного сока из нового урожая. Приход гостя для абхазов – радостное событие, хороший прием его – это случай повысить свой престиж в селении, причем при нашем внимании к старикам и повсеместно господствующей геронтофилии это нередко принимало особо торжественный вид. Небольшие застолья бывали почти ежедневно. Вспоминаю случаи в селении Лыхны Гудаутского района, где хозяин одного из домов, узнав о приходе «гостей» - московских уче-

ных – для беседы с его престарелым отцом, схватил висевшую на стене двустволку, выбежал во двор, уложил двумя выстрелами две из бродивших там куриц и послал кого-то из детей звать соседей и родственников на застолье. На большие застолья, посвященные какому-то особому случаю, обиралось по несколько десятков человек, резали бычка или козленка и в течение нескольких часов вино лилось, как говорится, рекой. Подчиняясь обязательным тостам, крепкие абхазские мужчины выпивали по 20-25 стаканчиков (граммов по 100) вина и с победным видом смотрели на «слабых москвичей». И для того, чтобы не напиться, но соблюсти правила этикета, требовалась как крепкая воля, так и умение объяснить свое воздержание.

После нескольких выпитых стаканов вина мне обычно приходилось хитрить. «Представьте двух мужчин, - говорил я при очередном предоставленном тосте, - у одного из них было 100 рублей и он отдал другу 70 рублей, у другого было 10 рублей и он отдал другу 9 рублей. Должны ли знакомые уважать второго меньше, чем первого?» «Нет!» - кричали мне в ответ застольники. «Так вот, и я, - говорил тогда я, - отдал нашему восприятию вина и застолью почти все силы, которые у меня были, и теперь мне придется воздерживаться». Впрочем, проблемы застольий, нередко нарушавших нормальный ритм жизни, - это тема для отдельного очерка.

К проблемам, обусловленным курортным настроением и гостеприимными застольями, различные начальники отрядов относились по-разному. Должен рассказать в этой связи о двух экстремальных случаях. В одном случае ушлый, как говорится, начальник, получив в свое распоряжение авто-

машину и укомплектовав отряд знакомыми и домочадцами, отбыл в удаленное абхазское село и там хорошо провел все рабочее время. Составленный им «научный отчет» был очень беден, и в дальнейшем этот начальник

был отстранен от работ по вопросам долгожительства. В другом случае начальник отряда, видимо, находясь постоянно в сильном подпитии, стал столь активно помогать физической близости набранных им в отряд студенток, что те почти без денег убежали от него в Москву. Оставшись вдвоем с водителем, начальник продолжал куролесить и, сев за руль, сильно повредил автомашину. Этот случай должен был повлечь суровое наказание, но при академическом «демократизме» завершился лишь отстранением виновника от полевых работ; это побуждает меня, отчасти виновного в назначении таких начальников отрядов, не называть их фамилий.

Должен сказать, хотя бы кратко о Г.В. Старовойтовой, которая до того как стала известным политическим деятелем, работала около 4-х лет над тематикой комплексного изучения явления долгожительства на Кавказе (по анализу роли психологических факторов долголетия) вначале в статусе рядовой сотрудницы, затем – в ранге начальника отряда, тем более, что эта часть ее, к сожалению, краткой жизни почему-то не попала в ее опубликованные биографии. Мне, как непосредственному руководителю Г. Старовойтовой в те годы, часто общавшемуся с ней в неформальной полевой (экспедиционной) обстановке, удалось с близкого, так сказать, расстояния наблю-

дать характерное для многих незаурядных людей противоречивое сочетание творческой научной деятельности со склонностью к приятному времяпровождению в курортной атмосфере, сочетание элементов женского авантюризма с глубоким анализом этнической ситуации в Закавказье и умение выразить его в научной и в наукообразной форме. Полагаю, что ей было бы нетрудно написать диссертацию на соискание ученой степени доктора наук, и мне искренне жаль, что она предпочла политическую карьеру. Могу предположить, что этот выбор Г. Старовойтова сделала летом 1990 г., когда возглавляемый ею отряд нашей экспедиции совершил поездку в Нагорно-Карабахскую АО Азербайджанской ССР. Там она с помощью взятых в отряд армянских ученых из Ленинграда (Санкт-Петербурга) установила контакт с местными армянскими сепаратистами, а те способствовали ее избранию народным депутатом от одного из округов Еревана (позже она избиралась в Государственную Думу от одного из округов Ленинграда).

Следует отметить, что особо теплое гостеприимство абхазов по отношению к москвичам объясняется в какой-то степени давним тяготением абхазов к союзу не с Грузией, а с Россией; некоторое время Абхазская республика была формально независимой, но фактически тесно связанной с РСФСР. Школьное образование в абхазских школах в значительной степени строилось на русском языке и большинство абхазов (кроме детей и геронтов) хорошо говорят на нем, чем отличаются от грузин с их почти неизживаемым акцентом. Последнее обусловлено звуковым богатством абхазского языка, количество фонем в котором вдвое больше, чем в русском (и грузинском) языке. Провозглашение грузинским правительством

в 1977 г. грузинского языка единственным «государственным» языком с обязательным изучением его в школах Абхазии, что означало вытеснение русского языка, вызвало большое недовольство среди абхазов и рост среди них движения за выход из состава Грузии с присоединением к РСФСР. Движение это развивалось очень бурно и завершилось общеабхазским митингом, проведенным в их историческом центре – селении Лыхны – на широкой поляне с большим дубом посередине. Об этом митинге мне подробно рассказывал один из его организаторов бывший офицер-фронтовик Михаил Чамагуа, которому была поручена охрана митинга от возможного вмешательства армейских частей. Были сформированы, в частности, молодежные отряды «смертников», которые в случае направления к селению армейских грузовиков и бронетранспортеров с солдатами должны были ложиться на шоссе, останавливая своими телами их движение. Вследствие вмешательства специального представителя ЦК КПСС до такого развития событий дело в тот раз так и не дошло, за абхазами было сохранено право свободного выбора языка образования. Кроме того, в абхазских районах удалось заменить всех прогрузински настроенных руководителей, вплоть до секретарей райкомов КПСС: группы абхазских старейшин приходили в соответствующие учреждения и прямо заявляли, что с таким-то имярек абхазы в дальнейшем общаться не будут, и он, как своего рода «персона нон грата», должен уступить место другому.

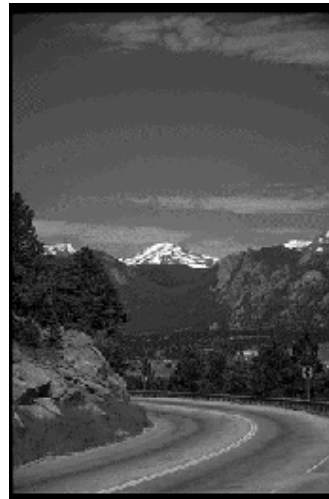
Немаловажной задачей, решение которой мне обычно приходилось брать на себя, было установление контактов с местной республиканской и районной администрацией, научными и другими (в том

числе медицинскими) учреждениями. При работе в Поволжье, помнится, такие контакты были минимальными и обычно ограничивались представительством в местном сельсовете, где хорошо действовало удостоверение на специальном бланке Института этнографии АН СССР с просьбой оказывать всяческое содействие экспедиционному отряду в его работе. Само же «содействие» сводилось, как правило, к жилищному устройству отряда в пустовавших летом зданиях местных школ, реже – к приобретению продуктов со склада местного колхоза. При работе в Закавказье главным было представительство в местном райкоме КПСС, который держал под своим контролем по существу всю жизнь в районе, поэтому и экспедиционная работа в Абхазии и особенно в Азербайджане начиналась с посещения райкомов партии.

Отмечу, что в Абхазии вследствие ее сравнительно небольших размеров и политической нестабильности в абхазских районах (Очамчирском и Гудаутском) власть райкомов партии ощущалась в то время довольно слабо. Существовавший здесь Абхазский институт языка, литературы и истории АН Грузинской ССР был непосредственно включен в число учреждений, работавших над темой комплексного исследования феномена долгожительства, а заместитель директора этого института этнограф д.и.н. Шалва Денисович Инал-ипа пользовался среди абхазов столь большим авторитетом (он был из бывшей княжеской семьи и одним из идеологов движения за отделение от Грузии), что его протекция значила больше, чем протекция секретаря райкома партии. Отмечу, что в первый год абхазо-грузинской войны 1992–1993 гг. Абхазский институт сильно пострадал, его

научный архив и библиотека были уничтожены, а некоторые сотрудники погибли...

Завершая описание некоторых особенностей работы в Абхазии, упомяну о проблеме языкового перевода при беседе с геронтами, которые в отличие от молодого поколения русский язык знали плохо, а то и почти совсем не знали. Попытки использовать в качестве переводчиков молодых родственников геронтов зачастую и особенно при верификации возраста обычно

превращались в беседу со всей семьей, члены которой подчас спорили из-за правильности перевода вопроса и ответа. Кроме того, по традиционному этикету общения со старшими, молодые переводчики не могли задавать вопросы на табуированные темы, связанные с определением вех биологического возраста (например, у женщин - время наступления менархе, время климакса и т.п.). На такие вопросы обычно решались лишь пожилые медработники или очень уважаемые люди. Прекрасным переводчиком был уже упомянутый выше М.А. Чамагуа, который быстро создавал условия для доверительной беседы, изгоняя из комнаты родственников геронта, и легко задавал вопросы даже об интимных сторонах жизни.

Организация экспедиционных работ в Азербайджане имела свои особенности, обусловленные не только обширностью территории исследований, но и своеобразными традициями жизни и социально-

политической ситуацией. У абхазов сильнее ощущаются традиции общинной жизни, у азербайджанцев, позднее перешедших на оседлость, - родовые традиции и потестарные структуры. Установки кочевой жизни очень четко проступали, например, в пренебрежительном отношении к отхожим местам, которые в сельской местности обычно представляли собой слегка огороженные ямы, покрытые редкими жердями. В отличие от Абхазии, в Азербайджане бытовала традиция, согласно которой каждое обращение к вышестоящему чиновнику (в их число включались и врачи) должно сопровождаться каким-то подношением, чаще всего – в денежной форме. Первые секретари райкомов партии представляли собой местных феодалов с почти неограниченной властью. Поэтому, экспедиционная работа на территории того или иного района, как правило, начиналась с посещения райкома и разговора с первым секретарем его о целях приезда, задачах исследования и просьбах о жилищно-бытовом устройстве экспедиции. Первый секретарь утверждал нас в статусе «почетных гостей» и обычно поручал заботиться о нас третьему секретарю райкома (обычно ответственному за идеологию), который и решал конкретные задачи.

Научное кураторство экспедиционных исследований по долгожительству в Азербайджане возлагалось на директора Института археологии и этнографии АН Азербайджанской ССР, включенному в список ответственных учреждений Закавказья, привлеченных для этой работы. Директор этого института к.и.н. А.А. Аббасов закрепил это участие специальным решением Президиума АН Азербайджана и в немалой степени помог нашим полевым отрядам уже

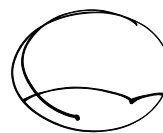
тем, что направлял в каждый из них по 1-3 своих сотрудников, которые чаще всего служили хорошими переводчиками. Его непосредственные контакты с нами, однако, обычно не выходили за пределы районов, прилегавших к Баку, но он аккуратно звонил в райкомы КПСС удаленных районов с целью поддержания научного авторитета нашей экспедиции как международно значимой. Попутно отмечу, что в полевых работах на территории Азербайджана, в отличие от Абхазии, американские ученые не участвовали (впрочем, и там, это участие имело кратковременно-гостевой характер).

Рассказ об А.А. Аббасове, с которым мне приходилось довольно часто общаться, я должен немного продолжить, так как его фамилия была очень известной. Отец Аббасова – как и тогдашний первый секретарь ЦК КПСС, а ныне - Президент Азербайджана – Г.А. Алиев - выходец из Нахичеванской АССР был первым азербайджанцем, получившим воинское звание «генерала»; из двух старших братьев Аббасова один был доктором биологических наук, директором местного Института биологии и академиком АН Азербайджана; другой – занимал высокий пост в республиканском МВД и не раз помогал нам устранять неполадки с экспедиционными автомашинами. В А.А. Аббасове меня привлекало сочетание незаурядного ума с некоторой восточной леностью, замедлявшей его движение к защите докторской диссертации. Очень симпатичной был его привычка устраивать обед прямо в рабочем кабинете из блюд, приносимых из дома его миловидной и энергичной секретаршей. Здесь я перепробовал чуть ли не все национальные кушанья. Вероятно, обед на рабочем месте являлся традиционным и у многих других ру-

ководящих товарищей: я попал на такой обед при посещении одного из первых секретарей райкомов партии, тот усадил меня рядом с собой как почетного гостя, разорвал принесенную жареную курицу руками на куски и первый кусок вручил мне, а потом стал оделять приглашенных работников райкома. Членов нашего отряда кормили в это время бесплатно в райкомовской столовой.

Для жилья нашим экспедиционным отрядам зачастую предоставлялись распространенные в Азербайджане «гостевые дома», принадлежавшие райкому и расположенные, как правило, вблизи него, или принадлежавшие крупным промышленным или сельскохозяйственным предприятиям и мало уступавшие по уровню сервиса райкомовским. Здесь нам, как в пансионатах, предоставляли кровати с постельным бельем и бесплатное двухразовое питание. В случаях, когда мы уезжали на несколько дней в удаленные от райцентров села, то размещались в пустовавших классах местных школ, как это делалось и в Абхазии. Правда, с водоснабжением здесь было хуже, но от земляных блох мы страдали меньше. Своего рода промежуточным вариантом было устройство стационара в Казахском районе, где для этой цели использовали пустовавший районный пионерский лагерь с кроватями, но без постельного белья, вместо которого приходилось использовать привезенные нами вкладыши к спальным мешкам. На размещение в местных гостиницах денег в экспедиционной смете не предусматривалось, и, когда в одном из районов нам пришлось провести в гостинице двое суток, то пришлось выпрашивать оплату за нее в райкоме партии.

Удаленность от моря и более жаркий сухой климат, как уже говорилось, делал экспедиционные работы в Азербайджане менее привлекательными, чем в Абхазии, хотя с организацией общественного питания здесь было лучше. Да и с вином в Азербайджане было почти такое же раздолье, как в Абхазии. Климат и почвы Азербайджана не способствовали развитию там зерноводства, и в структуре сельского хозяйства уже в 1970-х гг. ведущую роль стало играть виноградарство, что естественно повлекло за собой и развитие виноделия, главным образом – производство крепленых вин низких сортов, типа широко известного портвейна «Агдам». Однако большинство азербайджанцев, придерживавшихся установок ислама, запрещавшего употребление хмельного напитка из виноградной лозы, относились к виноделию как к чему-то греховному, повсеместно предпочитали употреблять привозную водку и не очень бдительно охраняли громадные баки с виноградными винами. Наши водители, легко устанавливавшие контакты с механизаторами винодельческих заводов, нередко приносили от них 3-5 литровые банки с вином и нужно было внимательно следить за тем, чтобы они не спаивали других членов отрядов и не напивались сами перед очередным рейсом. Повара, прикрепленные к гостевым домам винодельческих совхозов, обычно также начинали с принесения на завтрак и ужин кувшинов с винами различных сортов и крепости, и это их усердие приходилось жестко ограничивать.

Азербайджанцы уважают старых людей, но это уважение не переросло в столь показную геронтократию, как у абхазов. Нет среди них и культуры за-

столий со специальным этикетом, как это наблюдается у грузин и абхазов, хотя некоторые элементы таких застолий используются во время больших семейных и общественных праздников. Поэтому посещение геронта на дому никогда не перерастало в застолье абхазского типа; дело обычно ограничивалось лишь небольшим чаепитием. Своего рода исключением было время работы нашего стационара в Казахском районе, где для нас было проведено несколько застолий в рощице около ручья вблизи лагеря или в межрайонном ресторане на трассе Тбилиси-Баку. Насколько можно было понять, такие застолья были выражением благодарности руководства района за представившуюся возможность квалифицированного медицинского осмотра специалистами из Института геронтологии АМН СССР, среди которых должен отметить блестящего клинициста д.м.н. С.М. Кузнецову. Для того, чтобы наплыв обычных больных не нарушал нормальную работу стационара и не портил, так сказать, средние показатели заболеваемости, для приема их специально выделялся один день в неделю.

Первое застолье, помнится, было проведено работниками большой районной больницы и райздрава, а за ним последовали другие районные службы. Мне особенно запомнилось застолье в ресторане, проведенное начальником районного отделения милиции, районным прокурором и судьей, которые общались между собой по именам и почти как близкие родственники. «Боже мой, - подумал я, - как легко им поддерживать систему власти: один дает приказ незамедлительно арестовать смутьяна, другой «сочинит на него дело», а третий – осудит его на длительный срок...»

Одним из важных отличий азербайджанцев от абхазов было плохое знание ими русского языка, особенно в сельской местности. Остановливаясь в сельских школах, мы могли не раз убедиться в низком качестве общего образования старшеклассников, которые постоянно отбывали повинности на приусадебных участках директоров и завучей школ; не раз убеждались мы и в неспособности большинства учителей помочь нам в качестве переводчиков. Почти анекдотический случай был в одной из сельских школ Таузского района, где при общении с молодой преподавательницей английского языка, недавней выпускницей бакинского педагогического института, выяснилось, что нам легче понять друг друга, если говорить не по-русски, а по-английски.

Недостаточное знание азербайджанцами, особенно в сельской местности, русского языка приводило к тому, что русскоязычные книги, поступающие в районные книжные магазины, раскупались лишь частично или надолго залеживались. Поэтому сотрудники экспедиционных отрядов, приезжая в новый районный центр, после посещения райкома (а иногда и до этого) устремлялись в книжный магазин и раскупали книги, которые в то время трудно было достать в Москве: например, стихотворения Н. Гумилева и других поэтов «Серебряного века». Таким образом многие сотрудники изрядно пополнили свои личные библиотеки, да и привезли кое-что в подарок родным и знакомым.

Однажды, находясь вблизи границы с Нагорно-Карабахской АО, мы решили заехать на полдня в армянское селение и были приятно удивлены, во-первых, очень радушным отношением к нам всех жителей – от мала до велика, во-вторых, хорошим

знанием русского языка, который изучался в школах с начальных классов с преподавателями из институтов Армении. Эта ситуация отчасти напомнила ситуацию в Абхазии с той разницей, что армяне Карабаха более четко понимали отсутствие реальных перспектив у них самих и их детей для социально-экономического роста в условиях традиционно враждебного им иноверческого азербайджанского населения. Один из возможных вариантов лучшего жизнеобеспечения виделся им в миграции в пределы Российской Федерации. Провозглашение в 1977 г. азербайджанского языка единственным «государственным» в Азербайджане привело к дальнейшему обострению отношений между армянами и азербайджанцами с дальнейшим ожесточением их вплоть до вооруженных столкновений.

Начатое на территории Азербайджана исследование процессов адаптации русских переселенческих групп, главным образом – сектантов молокан – проходило без опоры на Институт археологии и этнографии АН Азербайджанской ССР, да и местные партийные органы. Оно осуществлялось преимущественно путем маршрутных поездок с кратковременными остановками в русских селениях. Исключением было большое селение Ивановка Исмаиллинского района, где на базе известного колхоза-миллионера им М.И. Калинина был организован антрополого-медицинский стационар. Этим стационаром хорошо руководила к.б.н. Н.А. Дубова. Мое участие в нем ограничилось двухдневным посещением селения и беседой с председателем колхоза Н.В. Никитиным о нуждах экспедиции.

Наша встреча с Никитиным состоялась накануне проводимого в местной средней школе в связи с

началом
нового
учебного
года дня
«Первого
звонка»,
и он по-
просил
меня вы-
ступить
перед
школьни-
ками, по-
строен-

Дворец культуры колхоза им. Калинина.
с. Ивановка Исмаиллинского района
(1987 г., фото А.Н. Ямскова)

ными по классам на широком школьном дворе. Школьники, учителя и присутствовавшие родители слушали меня очень внимательно: московский профессор для здешних мест представлял собой личность уникальную. А я старался говорить нешаблонно и не только о полезности школьного образования, но и большом значении самообразования путем чтения книг. В местном большом дворце культуры с колоннами оказалась неплохая библиотека, но библиотекарьша в разговоре со мной жаловалась на плохую посещаемость, объясняя это занятостью детей хозяйственными делами. Полагаю, что немаловажную роль при этом играла и традиционная замкнутость молоканских общин, стремление старшего поколения по возможности ограничивать неблагоприятное, по их мнению, влияние иноверческого мира на молоканскую молодежь.

В небольшом садике между сельским дворцом культуры и школой стоит мраморная плита – памятник жителям селения, погибшим в годы Великой Отечественной войны с поименным их перечислением. Броса-

ется в глаза повторяемость многих фамилий, что свидетельствует о замкнутости брачно-семейных связей внутри общины. В списке погибших оказалось около 250 человек, что составляет более трети мужчин призывного возраста тех лет; по закономерностям, установленным военными статистиками, примерно такой же должно было быть число покалеченных инвалидов войны. В целом, потери русского населения в годы этой войны были сравнительно большими, особенно, если учесть прежние антивоенные установки молокан. В своем рабочем дневнике я отметил необходимость проверить степень мобилизации и военных потерь в ближайших азербайджанских селениях, где мужчины из-за незнания русского языка могли легко попасть в разряд «нестроевых». Последовавший вскоре развал Советского Союза и суверенизация Азербайджана сделало выполнение такой работы невозможным.

